

Чувилева Анастасия Андреевна

студентка

ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

г. Нижний Новгород, Нижегородская область

УПРАВЛЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЕ

XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

***Аннотация:** управление в школе XIX – начала XX веков базировалось на четко обозначенных в нормативно-правовой базе функциях различных должностных лиц. В статье представлены результаты педагогической деятельности, отраженные в источниках того времени и введенные в научный оборот специалистами в современных публикациях.*

***Ключевые слова:** психология, управление, нормативно-правовые основы.*

Психологические научные знания являются неотъемлемой частью школьной жизни, школьные психологи активно оказывают помощь участникам педагогического процесса. Уже привычной стала фраза: «Психология без педагогики бесполезна, педагогика без психологии бессильна» [1, с. 28]. А когда-то основоположник отечественной педагогики К.Д. Ушинский еще только утверждал необходимость психологического обоснования педагогического процесса. Элементы научного психологического знания только начинали проникать в образовательный процесс. Значит ли это, что педагогика того времени, которая обеспечивала школьную практику была бессильна? Как было организовано управление в отечественной школе XIX – начала XX века, когда еще в школьной практике не было психологов и учебно-воспитательный процесс в должной мере не опирался на научно-психологические достижения?

Чтобы ответить на эти вопросы обратимся к результатам современных исследований и рассмотрим в деталях нормативно-правовые основы управления в школе обозначенного выше периода. Управление в школе рассматриваемого пе-

риода осуществлялось по таким направлениям: определение и конкретизация целей, содержания образования, основных направлений их реализации, система отношений в школе, социально-правовое положение учителя, работника школы и ученика; требования к приему, переводу и организации выпуска из школы [2, с. 275]. Высокое качество образования рассматриваемого времени обеспечивалось хорошо продуманной стратегией управления, качеством образовательной политики, подкреплялось четкой организацией управления на уровне отдельной школы и профессиональной деятельностью педагогов, их тактом и высокой культурой.

В дореволюционных исследованиях подчеркивалась решающая роль самодержавной власти и полномочий императора в определении основополагающих задач управления педагогическим процессом. В советский период было принято делать акценты на «полицейском надзоре», «политическом сыске и шпионаже» [6, с. 60]. Это значит, что роль надзора и лиц его осуществляющих выступала на первый план в организации всего процесса обучения и воспитания учащихся.

Надзор проникал даже в религиозную сторону жизни ученика. Контролировалось наличие школьника ежедневно на утренней молитве, на молитве после окончания уроков в конкретный день. Любое нарушение наказывалось. В дни религиозных праздников и в обычные воскресные дни каждый ученик должен был посещать ученическую церковь. Контроль за соблюдением этих строгих предписаний возлагался на надзирателей.

Уже в первом уставе 1804 года определялись конкретные виды надзирателей за учениками: классные, коридорные и уличные. Классные надзиратели обеспечивали безукоризненное соблюдение норм поведения во время урока. Дети должны были сидеть прямо за партой, нельзя было вольно располагаться, поворачиваться назад, подсматривать к соседу в тетрадь. Все, даже самые мелкие, нарушения записывал классный надзиратель в особый журнал, а педагоги потом применяли соответствующую меру наказания. Правила поведения были установлены и доводились до сведения всех учеников и их родителей. Действовали и

особые правила о наказаниях – в них указывались возможные наказания за типичные проступки. Классный надзиратель был человеком без образования (дядькой его обычно называли в воспоминаниях), он числился на государственной службе при учебном заведении и имел квартиру в центре города, при школе.

Были надзиратели коридорные – они наблюдали за поведением учеников в коридорах, так как в правилах для учащихся предписывалось, как себя должен вести ученик в школьном коридоре. Особая должность – уличные надзиратели, они следили за соблюдением школьниками норм вне учебного заведения. После 6 вечера ученикам запрещалось выходить на улицу, они были обязаны делать уроки. Ученики были всегда в форме одежды (на только в процессе обучения, в пределах школы). Форма одежды была и уличной – ботинки, пальто, фуражка. На фуражке и ремне обозначался герб, по которому можно было определить номер школы, в которой учился ученик. Это облегчало контроль за поведением учеников.

Учитель во время урока не отвлекался на поведение учащихся – это обеспечивали надзиратели. Педагогическая функция учителя опиралась на хорошую дисциплину, которую создавало продуманное управление и нормативно-правовые акты школы. Директор и инспектор (теперь заместитель директора – завуч) определяли работу педагогического совета. На нем каждому ученику выставялась отметка по поведению. При этом данные надзирателей и принятые меры воздействия учеников имели решающее значение. Так управление директора и инспектора сочеталось с данными низовых лиц, которые осуществляли управление в повседневности (надзиратели).

В середине 19 века состав педагогического совета расширился, уставы 1864 и 1871 годов привели к демократизации управления – в состав педагогического совета вошли все учителя. До этого членами педагогического совета были только старшие учителя (то есть те, кто преподавал главные предметы – древние языки, математику русский язык, историю). Надзиратели никогда не состояли членами педагогического совета.

Ученики к началу 20 века стремились от уличного надзора, который осуществляли уличные надзиратели, нередко с классными наставниками и их помощниками. Дело доходило даже до того, что в общественных местах (на улицах, около кофеен, бильярдных) после двадцати часов «классные наставники и надзиратели, иногда совместно с конными городскими, оцепляли общественные места и устраивали на школьников облавы. Пойманных проводили сквозь строй педагогических фонарей» [4, с. 186]. Это значит, что педагоги в лицо определяли и записывали, кто из учеников нарушал нормы и находился на улице в неустановленное школой время (после 6 вечера). При этом надзирателям даже помогала полиция, так как дело воспитания и контроль за соблюдением школьных норм должностными лицами было делом государственной важности.

Судя по изысканиям специалистов, детали управления в школе были четко устремлены на реализацию целей государственной образовательной политики. Эта политика задавала направление педагогическим разработкам и должна была обеспечивать социально-воспитательный эффект работы образовательных учреждений. Но в 60 и 80-е годы управление в школе было дестабилизировано, возникла «рассогласованность школьной практики с целями государственной политики в сфере общего образования» [3, с. 109]. Специалисты это объясняют тем, что под влиянием общественной обстановки дети стихийно во всех школах Российской Империи в массовом порядке перестали соблюдать нормы поведения, которые ранее соблюдали безукоризненно. Единичные случаи нарушения обычно являлись чрезвычайным событием. А вот накануне отмены крепостного права и общей атмосферы перемен в жизни страны имели место факты прямого физического нападения на педагогов, ученики разбивали окна в их квартирах. В 70-е годы 19 века ситуация изменилась. На пост министра народного просвещения был назначен граф Д.А. Толстой. В результате его политики семь восьмых учащихся отсеивалось, им выдавался «волчий билет» – запрещалось поступление в какое-либо учебное заведение Российской Империи в принципе. Но с 80-х годов 19 века ситуация стала неуправляемой. Император требовал сохранять дисциплину, а управленческие структуры не могли обеспечить дисциплинарное

благополучие школы. С этого времени нормы поведения обычно не соблюдались, в школах царила стихийность. Специалисты объясняют это общим кризисом просветительной доктрины самодержавия, которая названа оборонительной [3]. Это значит, что система управления уже не могла претендовать на сохранение прежних норм дисциплины. Она пыталась в новых общественных условиях поддержать хоть какой-то порядок, но дестабилизация как объективное проявление политических процессов в сфере образования все более усиливалась.

Государственная власть России по-прежнему ее благоденствие связывала с высоким качеством государственного управления. Гимназия и готовила будущих чиновников, поэтому качество управления страной во многом зависело от качества подготовки будущих управленцев в школе [5]. И даже в новых условиях император в начале 20 века пытался максимально использовать возможности управления, для чего менял министров народного просвещения одного за другим. Но это не могло обеспечить прежней дисциплины.

Список литературы

1. Вульф Б.З. Основы педагогики в лекциях, ситуациях, первоисточниках: Учебное пособие / Б.З. Вульф, В.Д. Иванов. – М.: УРАО, 1997. – 288 с.
2. Козлова Г.Н. Воспитание в отечественной общеобразовательной средней школе: цели, сфера действия, результаты: Монография / Г.Н. Козлова. – Н. Новгород: НГПУ, 1999. – 294 с.
3. Козлова Г.Н. Две корневые проблемы государственной воспитательной политики (социально-исторический аспект) / Г.Н. Козлова – СПб.: МИНПИ, 2004. – 236 с.
4. Козлова Г.Н. Жизненные и политические процессы в воспитании гимназистов XIX – начала XX века / Г.Н. Козлова // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2013. – №4. – С. 177–189.
5. Козлова Г.Н. Общественное воспитание в школьной политике власти России XIX – начала XX века / Г.Н. Козлова, А.В. Овчинников // Известия Российской Академии образования. – 2015. – №3. – С. 102–113.

6. Овчинников А.В. Российская власть, общество и образование в историко-педагогической литературе / А.В. Овчинников, Г.Н. Козлова // Проблемы современного образования. – 2015. – №3. – С. 56–71.